

МАША
ТРАУБ

Читайте книги Маши Трауб

ЛЮБОВНАЯ АРИТМИЯ
О ЧЕМ ГОВОРЯТ МЛАДЕНЦЫ
Я НИКОМУ НИЧЕГО НЕ ДОЛЖНА
ВСЯ LA VIE
СЕМЕЙНАЯ КУХНЯ
ЛАСТОЧ...КА
ЗАМОЧНАЯ СКВАЖИНА
НЕ ВСЯ LA VIE
ПЬЯНАЯ СТЕРЛЯДЬ
ТЕТЯ АСЯ, ДЯДЯ ВАХО И ОДНА СВАДЬБА
ДНЕВНИК МАМЫ ПЕРВОКЛАССНИКА
ПАДШАЯ ЖЕНЩИНА
ДОМИК НА ЮГЕ
ОСТОРОЖНО – ДЕТИ! ИНСТРУКЦИЯ ПО ПРИМЕНЕНИЮ
СОБИРАЙСЯ, МЫ УЕЗЖАЕМ
СОНИЯ И АЛЕКСАНДРА
ПЛЮС ОДИН СТУЛ
ЧУЖОЙ
СЧАСТЛИВАЯ СЕМЬЯ
ИСТОРИИ МОЕЙ МАМЫ
НАША ДЕВОЧКА
ПЛОХАЯ МАТЬ
ШУШАНА, ЖУЖУНА И ДРУГИЕ РОДСТВЕННИКИ
ВТОРАЯ ЖИЗНЬ
ПРОДАЕТСЯ ДОМ С ДЕДУШКОЙ
УВАЖАЕМЫЕ ОТДЫХАЮЩИЕ!
ВТОРОЙ РАЗ В ПЕРВЫЙ КЛАСС
НА ГРАНИ РАЗВОДА
ЛИШНИЕ ДЕТИ
ЛЮБОВЬ СО СТРАННОСТЯМИ И БЕЗ
ВСЕГДА КТО-ТО ПЛАТИТ
МОЯ БАБУШКА – ЛЕРМОНТОВ
БЕДАБЕДА
ИЛИ Я СЕЙЧАС УМРУ ОТ СЧАСТЬЯ
ПОЛНОЕ ОЗОМЛЕНИЕ
ПЛОХАЯ ДОЧЬ
НЕ МАМКАЙ!
НЕВОЗВРАТНЫЙ БИЛЕТ
КОЛЬЦО ИЗ ФОЛЬГИ
ВСЕ, ЧТО ПРОИЗОШЛО В ОТЕЛЕ
НОВЫЕ СЕМЕЙНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА
ПОПОЛАМ
БАБУШКА, КОТОРАЯ ХОТЕЛА СТАТЬ ДЕРЕВОМ
НЕСЛУЧАЙНЫЕ ЛЮДИ
НА ПАМЯТЬ МИЛОЙ СТЕФЕ
КРИЗИС ЧУЖОГО ВОЗРАСТА
ОСТОРОЖНО – ПОДРОСТКИ! ИНСТРУКЦИЯ ПО ПРИМЕНЕНИЮ

МАША ТРАУБ

**Все,
что произошло
в отеле**

Москва

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т65

Дизайн обложки *Е. Тёриной* и *Е. Лукомской*

Трауб, Маша.

Т65 Все, что произошло в отеле / Маша
Трауб. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-234252-3

Идиллический отель на берегу залива. Покой и благолепие. Однако отпуск некоторых гостей портит исчезновение и возможное убийство одной из постоялиц. У каждого из свидетелей – свои тайны. Приехавшего следователя тоже с этим отелем многое связывает. Показания каждого участника событий становятся исповедью, поиск пропавшей поиском самих себя и — поиском родных людей и места, которое можно назвать домом.

Маша Трауб

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Трауб М., 2026
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо»,
2026

ISBN 978-5-04-234252-3

*К*огда я поняла, что все люди — идиоты? Если честно, давно. Кажется, я уже родилась с этим знанием. Наверное, в детстве еще сомневалась: ну не могут же быть абсолютно все взрослые такими... неразумными, не способными хоть немного рассуждать здраво и смотреть хотя бы на полшага вперед. Нет, все живут сегодняшним днем и действуют по принципу «сгорел сарай — гори и хата». Но, видимо, меня окружали именно такие люди — не пользующиеся мозгами даже на один процент, совершающие лишенные всякого смысла поступки. Поддающиеся сиюминутным желаниям, не задумывающиеся, к каким последствиям они приведут. Но хотя бы риски ведь оценить можно?

Начнем с меня. Мне пятнадцать лет, я считаюсь трудным подростком лишь потому, что мне пятнадцать. И не важно, как я при этом себя веду. А веду я себя очень спокойно. Предпочитаю читать книги и слушать классическую музыку. Если бы вы послушали то же, что и не-

Маша Трауб

которые взрослые, тоже перешли бы на Чайковского.

В школе я считаюсь тихоней. Не зубрилой, не ботаном — просто некой тенью, которая занимает третью парту в ряду у стены. Учителя про меня вспоминают, только если наткнутся в журнале на фамилию. А так... все внимание обычно сосредоточено на тех, кто сидит у окна и посередине. Так уж устроен человеческий мозг — замечает то, что справа, а слева уже не столь важно. Кажется, даже учителя так и не смогли поставить мне диагноз. Если спрашивают — я всегда отвечаю, если не спрашивают — молчу. Тесты и контрольные пишу прилично, на списывании меня никогда не ловили. Я не яркая, не наглая, не шокирую внешним видом. Обычная, среднестатистическая девочка из тех, кого не запоминаешь ни с первого, ни со второго взгляда.

Меня зовут Таисия. Тася, Туся, Тая, Ася... Как меня только не называют. Какое редкое имя! Ну не такое уж редкое, учитывая, что в нашем классе есть Анна-Мария, Аврора и Зоя... Зайдите в класс к первоклашкам — вообще имена никогда не выучите. Почему мама меня так нарекла — а это была исключительно ее инициатива? Потому что во время беременности ей в руки попала книга «Таис Афинская». Мне,

Все, что произошло в отеле

можно сказать, повезло: мама под впечатлением назвала меня в честь... э... гетеры... то есть проститутки, но не самой, так сказать, известной. А вдруг бы ей в руки попала другая книга? Тогда бы меня назвали Фантиной, Наной или Эстер. Лучше уж Таисией. Спасибо женщине в ЗАГСе, которая в свидетельстве о рождении записала именно так — Таисия, а не Таис, на чем настаивала моя родительница. Та милая женщина сказала, что такого имени нет, записать именно так она не имеет права, поэтому запишет как положено. В подростковом возрасте я прочла «Таис Афинскую», она мне совершенно не понравилась, и я все гадала: а мама вообще поняла, что назвала меня в честь проститутки?

Есть еще одна проблема. Некоторые девочки в пятнадцать выглядят как... Ну они и набокковскому Гумберту показались бы староватыми и перезрелыми. А у меня мальчишеская фигура. Видимо, пошла в отца. Иногда ловлю взгляд мамы в зеркале. В нем читается жалость, что ли. Да, я не могу похвастаться роскошной грудью, как моя родительница, у которой это предмет гордости. Грудь у меня, конечно, есть, но мама как-то заметила, что таких, как я, раньше называли «доска два соска» или «плоскодонка». А еще «волшебница». Потому что, если поднять руки, грудь исчезает. Вот и скажите мне, что это не

Маша Трауб

полный идиотизм. Мама еще смеялась, как смеются хорошей шутке.

— Тебе не понять, — хмыкнула она, когда я спросила, что смешного-то. Пошлость и тупость. Я уж молчу про то, что слышать подобные замечания от собственной матери, скажем так, неприятно.

Я достаточно высокая для своего возраста и худая. «Проще убить, чем прокормить» — любимое замечание моей родительницы, хотя ем я мало на самом деле. Поскольку я эту фразу слышала с раннего детства, к подростковому возрасту у меня выработался стойкий иммунитет на нелестные замечания о моей внешности. Мама же — мягкая во всех местах. Если она смеется над моей фигурой, то зачем запихивает себя в утягивающие панталоны? Стесняется своего живота и бедер? Однажды она поймала мой взгляд в зеркале и отреагировала резко:

— Я выносила и родила тебя! Поэтому у меня есть живот! И растяжки на бедрах! Вот посмотри, чем ты меня наградила!

Она стянула панталоны и продемонстрировала исполосованные растяжками и целлюлитом ноги. Мне хотелось сказать, что я никак не повинна в своем появлении на свет, но, как всегда, промолчала. Мама же решила, что я как-то неправильно отреагировала и швырнула

Все, что произошло в отеле

в меня панталонами. Я не ожидала, не успела вернуться... Знаете, когда тебе в лицо прилетают материнские панталоны, это не больно, конечно же, но кажется, что все. Черта пройдена. За край уже заступили, и назад пути нет. Может, дело именно в нижнем белье, может, в том, что панталоны прилетели в лицо, — не знаю. Но именно в тот момент я поняла — все. Невозможно ни простить, ни принять. Мама этого не почувствовала: собираясь на встречу, которую она всегда называла рабочей, как прежде, заходила ко мне в комнату и вертелась перед зеркалом. В моей комнате в шкафу зеркало было в полный рост, а в ее — небольшое. Я не понимала, почему нельзя поменять шкафы, и несколько раз предлагала это сделать.

— Я тебе что, мешаю? — возмущалась мама.

— Нет, но так будет удобнее. Тебе, — отвечала я, вместо того чтобы ответить честно: да, мешаешь, даже очень.

— Как я выгляжу? — спрашивала мама, будто я была ее подругой.

— Нормально, — пожимала плечами я, сидя над домашним заданием.

— Это ты от зависти, да? — тут же срывалась мама. И вот как я должна была объяснить взрослому человеку, собственной матери, что у нас с ней иные связи? Родственные. Мать и дочь. Мы

Маша Трауб

не соперницы, не подружки, не знакомые. Это я в своем подростковом возрасте должна спрашивать, как я выгляжу, а не она. Это она должна обо мне заботиться, а не я о ней, каждое утро готовя завтрак на двоих — себе и ей.

— Тебе что, сложно сварить еще одно яйцо? — искренне не понимала мама, когда я ей однажды на это намекнула.

Или мне надо было напрямую сказать ей, что мать не должна выглядеть как... гетера, а именно так она и выглядела, собираясь на встречи? Что мне, может быть, как минимум неловко наблюдать, как она собирается и уходит, и слышать, как возвращается, иногда не одна? Мама считала меня достаточно взрослой для того, «чтобы понимать ситуацию», как она выражалась.

— Я еще молодая женщина! — кричала она. — Ты должна меня понимать.

Да, наверное. Но не понимала. Как можно было связываться с такими идиотами? Как можно ложиться с ними в одну постель? А мама выбирала исключительно идиотов, что подтверждало мою теорию. Умные люди — исключение из общего правила. Счастье, если тебе встретится умный человек.

Моя родительница была убеждена, что я отстаю в развитии. Она имела в виду и физическое, и умственное. Про физическое замечала

Все, что произошло в отеле

с нежной жалостью в голосе, что «может, грудь еще и вырастет немного». Или что «некоторым мужчинам такое нравится, вдруг и замуж сможешь выйти». Эту фразу она произносила, имея в виду исключительно маньяков и извращенцев. Потому как нормальному мужчине, с ее точки зрения, маленькая грудь нравится не может. Или «ну мало ли сумасшедших... вдруг вы и встретитесь». Это уже относилось к тому, что мне, возможно, попадется на пути маменькин сынок, непременно очкарик с жирными, невымытыми волосами, жалкой бороденкой, бледный и тощий — или, наоборот, упитанный, как поросенок, зато начитанный, как и я. То есть не от мира сего.

Личного счастья она мне если и желала, то явно не с принцем на белом коне. Мол, довольствуйся хоть кем-то — и то радость. Обижалась ли я не нее? Нет. У каждого свое представление о прекрасном. Мне вот ее Пашечка — предпоследний поклонник — казался маньяком: взгляд бегающий, глазки маленькие, собранные в кучку на переносице, лицо со следами подросткового акне, подбородок безвольный. Пашечке, как называла его моя мама, явно стоило почаще принимать душ и получше промывать свои жирные космы, разметанные по плечам. Моя родительница находила его романтич-

Маша Трауб

ным и тонко чувствующим. Ну у каждого свой принц.

Зачем я об этом рассказываю? Чтобы вы поняли: дети видят больше, чем вы, взрослые, думаете. И слышат тоже, кстати. А часто и лучше соображают. Если человек сидит и молчит, его рано или поздно начинают принимать за тумбочку. Если он в какой-то момент открывает рот, чтобы сказать, например, «спасибо» или «доброе утро», смотрят так, будто тумбочка вдруг заговорила.

Когда у меня спрашивают, сколько мне лет, и слышат, что пятнадцать, быстро отстают с разговорами, будто я заразная. Взрослые очень боятся подростков. Они считают нас неадекватными «от слова “совсем”», как иногда выражается моя родительница, и этот оборот меня не просто раздражает, а бесит. Как и выражения мамы моей лучшей подруги Ники. Та просто обожает говорить «я в ресурсе» или «я не в ресурсе». Но она — психолог, так что я списываю это на профессиональную деформацию. О Никиной матери я расскажу чуть позже. Так вот, товарищи взрослые, подростковые взрывы эмоций, категоричность, а точнее честность, кажущиеся вам странностями в поведении, не передаются воздушно-капельным путем, как простуда. Или ветрянка, например. Еще

Все, что произошло в отеле

раз повторяю: не все подростки мечтают набить себе татуху на лице, ходят с лезвием в кармане, чтобы нанести себе порезы, и завтракают энергетиком, заедая чипсами. Я же говорю: люди — идиоты.

Опять же, вот моя мать. Поверьте, я никак не хочу ее обидеть, это просто констатация факта. Иначе зачем она покупает мне заколку в виде цветочка? Или лак для ногтей розового цвета? Преподносит так, будто живого единорога в квартиру привела. Я говорю спасибо. Не могу же я объяснить собственной матери, что мне уже не пять лет. И единорогов, кстати, терпеть не могу. Мама же, покупая очередную пижаму, густо усеянную единорогами, будто сбежавшими из психлечебницы, уверена в обратном. Она все-таки удивительная женщина. Иногда я ею даже восхищаюсь. Точнее, ее умением не замечать того, что находится под носом. Перед этой поездкой я сделала на руке временную татуировку — переводилку, которая выглядит как настоящая и держится две недели. Первое время скрывала под рубашкой с длинными рукавами, все еще надеясь, что моя родительница поведет себя как нормальная мать. Заломит руки, например. Зальется слезами. Прочтет нравоучительную лекцию. В Москве тогда стояла адская жара,

Маша Трауб

все ходили чуть ли не голыми, а я — в рубаше с длинными рукавами. Потом мне надоело париться — в прямом и переносном смысле этого слова, — и я надела футболку. Но моя родительница ничего не заметила. Интересно, она знает, что такое переносное значение слов? Мне кажется, нет. У нее вообще плохо с аллюзиями, ассоциациями, я уж не говорю про игру слов или юмор, который требует хоть какого-то шевеления извилин. Нет, не подумайте. Я люблю свою мать в той мере, в какой ее может любить дочь-подросток, которую считают «наказанием всей жизни». Я ей благодарна за то, что она подарила мне жизнь. Она любит мне это напоминать с невыносимым пафосом, которого даже не замечает: «Я же подарила тебе жизнь!» Я не считаю ее худшей матерью на свете: она, во всяком случае, не оставила меня в доме малютки и не отправила в детский дом, хотя вполне могла, с нее станется. «Я дала тебе все, что могла!» — иногда кричит она, и я в это верю. Да, действительно, все, что могла. Не дала умереть с голоду, это да. Не заставила скитаться по улицам — тоже спасибо огромное. Пусть и в самый последний момент записывала в детский сад, школу. Так что, можно сказать, обеспечила мне стандартное образование.

Все, что произошло в отеле

— Когда же тебе исполнится шестнадцать?

Мама задавала этот вопрос приблизительно с моих шести лет. В детстве я очень пугалась, не зная, что должно произойти именно в шестнадцать: уколюсь о веретено и усну беспробудным сном? Буду спать в хрустальном гробу? Став старше и прочитав некоторое количество книг, я думала, что мама боится моей смерти в родах, что часто случалось с героинями в романах. Или что меня обесчестят, я «принесу в подоле», окажусь на паперти. Проблема была в том, что я не до конца понимала значение слова «обесчестить» и кого и куда я должна «принести в подоле». Ну и паперти в нашей округе не наблюдалось. Еще спустя некоторое время я задала маме вопрос в лоб, почему она так ждет моего шестнадцатилетия.

— Тогда ты получишь паспорт и сможешь работать. Мне не нужно будет тебя содержать, — ответила мама, глядя так, будто я задала ей самый глупый из всех возможных вопросов.

— А если не смогу найти работу? Если захочу учиться в институте? — уточнила я, потому что очень хотела поступить в институт. Ведь именно там я смогу заниматься тем, что мне нравится больше всего, — читать книги.

Мама пожала плечами. Мол, твои проблемы. Я-то тут при чем? Все, живи своей жизнью. Но